

Таким образом, под воздействием белорусского языка повышается лексическая вариативность белорусской разновидности русского языка. При этом белорусизмы имеют разный вес в коммуникации по сравнению с их литературными аналогами, что обусловлено структурными, культурными, коммуникативными и иными факторами.

О. О. Графутко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Одной из главных характеристик эмоции как феномена психики является интенсивность (сила). Цель данного исследования – рассмотреть лингвистические средства передачи интенсивности эмоциональных переживаний в художественном дискурсе на английском и белорусском языках.

В языке психологическое свойство интенсивности эмоции представляется через семантическую категорию интенсивности, которую характеризует вариативность средств выражения на разных уровнях языковой системы. В первую очередь, представление о силе эмоции может содержаться в самом значении эмотивной единицы: *irritation* ‘раздражение’ – «the state of feeling annoyed, impatient, or **slightly** angry» (Oxford English Dictionary, далее – OED); *жах* – «**моцны** страх да знямення» (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, далее – ТСБМ).

Реализация категории интенсивности может происходить через квантификаторы при эмотивных лексемах, обозначающие разные степени проявления эмоции: чрезмерное (*too ashamed* ‘слишком стыдно’; *празмерна спагадалі*), максимальное (*maximal anxiety* ‘максимальная тревога’; *найболей баяўся*), значительное (*an immense relief* ‘огромное облегчение’; *моцна здзіўлены*), некоторое (*fairly happy* ‘вполне счастливый’; *сякую-такую спагаду*), незначительное (*a little sad* ‘немного грустный’; *крыху спалохана*), минимальное (*minimal paranoia* ‘минимальная паранойя’), недостаточное (*insufficiently in awe* ‘недостаточно трепетать’) и т. п. При этом анализ показал, что зона высокой интенсивности представлена в художественном дискурсе значительно шире (80,8 % отобранных единиц для англоязычного и 84,1 % для белорусскоязычного).

В роли квантификаторов могут выступать лексемы со значением меры и степени, принадлежащие к разным частям речи: наречия (*rankle (you) so* ‘так тебя раздражает’, *a bit sorry* ‘немного жаль’; *дарэшты ўздаваўся*, *мала ўсцешнага*), прилагательные (*a great frustration* ‘страшная досада’, *full of pity* ‘полный жалости’; *смяротная крыўда*, *на вялікую ўсцеху*), существительные (*the multitude of shames* ‘все стыдное’, *a twinge of jealousy* ‘укол ревности’; *быра захаплення*), глаголы количественного изменения (*heightened his frustration* ‘увеличивала его досаду’; *узраслае раздражненне*).

Эксплицитным показателем силы эмоции также являются обороты с лексемами *grade* ‘степень’, *degree* ‘степень’; *ступень* и под. Они могут

содержать дополнительный квантификатор (*fairly high-grade paranoia* ‘довольно сильная паранойя’; *да крайній ступені злосці*), или же интенсивность эмоции может быть имплицирована (*the scale of his relief was humiliating* ‘степень его облегчения была унижительной’ – подразумевается высокая степень облегчения; *bothered him only to a degree* ‘беспокоило его лишь отчасти’ – степень раздражения небольшая).

Примечательно, что для реализации категории интенсивности могут использоваться эмотивные лексемы, не содержащие семы ‘количество’, но приобретающие количественное значение в сочетании с лексемой той же эмоциональной модальности: *blood-curdling terror* ‘леденящий душу страх’, где *blood-curdling* – «causing or expressing **terror** or **horror**» (OED), т. е. обе лексемы указывают на сильный страх; *панічна баяўся* – от *паніка* «неперадольны **жах** і разгубленасць, якія авалодалі чалавекам або мноствам людзей» (ТСБМ). В подобных случаях качественный характер прилагательного или наречия отходит на второй план, и они превращаются в квантификаторы.

Еще одним способом экспликации категории интенсивности являются устойчивые выражения, фразеологизмы с эмотивным элементом: *die of shame* ‘умереть от стыда’, *go insane with worry* ‘сойти с ума от тревоги’, *happy as a clam* ‘доволен, как слон’, *the mother of all worries* ‘главный источник тревог’; *да смерці пералякаліся, на сёмым небе ад шчасця, радасць так і перла фантанам*.

Семантическая категория интенсивности реализуется также на морфологическом уровне – через сравнительную степень, указывающую на большую/меньшую силу эмоции по сравнению с другим моментом ее переживания (*rankled more considerably* ‘сердил сильнее’; *большае раздражненне*), и превосходную, указывающую на предельный характер эмоции (*the most repellent thing* ‘самое отвратительное’, *найболей баяўся*).

Передача идеи интенсивности в художественном дискурсе может иметь и синтактико-стилистический характер. В частности, сила эмоции нередко реализуется при помощи повтора эмотивной единицы и/или содержащей ее синтаксической структуры: *I hate that there were always these alpha girls and you're one of them and I'm not. I hate that you went to Stanford. I hate that you don't have to worry about money. I hate that you'll never really get how privileged you are* ‘*Меня бесит, что среди девушек всегда были альфа-особи и ты одна из них, а я нет. Меня бесит, что ты училась в Стэнфорде. Меня бесит, что ты можешь не волноваться из-за денег. Меня бесит, что ты никогда до конца не поймешь свою привилегированность*’ (J. Franzen. «Purity»); *Ненавіджу! Усё скрозь ненавіджу!* (М. Южык. «Перакулены час»). В художественном дискурсе также отмечено комбинирование способов передачи категории интенсивности: *You're relieved. Really relieved* ‘Ты испытал облегчение. Огромное облегчение’ (в оригинале лексема *really* выделена курсивом – О. Г.) (L. Shriver. «The New Republic»); *Пакрыўдзіцца Аляксандр Францавіч. Моцна пакрыўдзіцца* (М. Клімковіч, У. Сцяпан. «Цень анёла»).

Анализ употребления эмотивных лексем в художественном дискурсе показал, что семантическая категория интенсивности характеризуется вариативностью языковых средств ее выражения. Данная категория реали-

зуется через семы количества в дефинициях эмотивных лексем, при помощи отдельных лексем со значением меры и степени, степеней сравнения и синтактико-стилистических средств. Также выявлено, что для художественного дискурса на обоих языках характерно преобладание средств передачи высокой интенсивности эмоций.

Л. И. Гришаева (ВГУ, Воронеж, Россия)

ВАРИАНТЫ ИМЕНОВАНИЯ ПРОПОЗИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Вариативность является, вне всякого сомнения, одной из наиболее существенной языковедческой проблемой, которая в том или ином виде значима для осмысления общих и частных вопросов в разных разделах языкознания. Изучение вариативности применительно к разноуровневым языковым средствам тесно связано с фундаментальными проявлениями языка, трактуемого как средство познания и коммуникации, как культурный код, например, нормативность, конвенциональность, реализация функционального потенциала, соотношение нового и устоявшегося, сериализация новаций, соотношение системных особенностей и речевых проявлений отдельных языковых средств и др.

По понятным причинам наиболее значима проблема вариативности для максимально сложной единицы, при порождении и рецепции которой необходим учет буквально всех закономерностей, присущих языку как коммуникативному и когнитивному феномену, – текста. Вариативность как наиболее значимая категория анализа наиболее востребована, очевидно, при осмыслении теории текста, в особенности закономерностей семантической, синтаксической и функциональной организации текстов, а также в типологии текста и прежде всего при выявлении принципов варьирования организации текста одного типа в пределах одной и/или нескольких языковых культур.

В качестве иллюстрации к сказанному целесообразно привести один пример – тексты, конвенциональные для разных языковых культур, прилагаемые к пробникам: *Sample – Not for individual sale / Echantillon – Ne peut être vendu séparément / Probe – Nicht verkäuflich / Campione gratuito – Vietata la vendita / Muestra – Prohibida su venta / Amostra – Não pode ser vendida separadamente / Sample – Niet voor individuele verkoop*. Даже только поверхностный взгляд убеждает, что один и тот же смысл вербализуется разными синтаксическими структурами, которые по-разному профилируют один и тот же комплекс сведений. Эти структуры могут быть позитивными и негативными, концептуализировать возможные действия либо как вероятность, либо как запрет, либо как вычленение / акцентирование одного из множества потенциальных способов реализации действий субъекта и т. д. Порядок выведения в поле сознания той или иной информации также специфичен в разных языковых культурах, равно как и степень детализации активируемых сведений и соотношение эксплицируемого и имплицитного в тексте.